

ГАТЧИНА И ГАТЧИНЦЫ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ (1914 – 1918)

Очерк сорок четвёртый

ГАТЧИНСКИЕ ОФИЦЕРЫ – ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

БОРИС ВЯЧЕСЛАВОВИЧ КОРВИН-КРУКОВСКИЙ (1895 – 1988)

Борис Корвин-Круковский родился в небольшом городе Шацке, Тамбовской губернии, где его отец, капитан Вячеслав Иосифович Корвин-Круковский, командовал ротой резервного батальона.

Дворянский польско-литовский род Корвин-Круковских дал России учёных, деятелей искусств и военных. Вот и Вячеслав Иосифович Корвин-Круковский верно служил Российской империи. В 18 лет, после юнкерского училища, он в чине прапорщика стал участником Русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов. Сражался на Шипкинском перевале (не вместе ли с гатчинскими канонирами 24-й артиллерийской бригады?). Два ордена за храбрость тогда украсили его грудь. После войны началась рутинная служба в разных концах огромной Империи. Но именно в Шацке капитан нашёл своё счастье, женившись на дочери местного купца Серафиме Алексеевне Стрельниковой. Их первенцем был Борис. Затем родились Кирилл, Наталья и Андрей.



Герб дворян Корвин-Круковских

Горд и неуступчив был Вячеслав Иосифович. В 1899 году за незаслуженное оскорбление он вызвал на дуэль своего начальника. Военно-окружной суд приговорил капитана к отставке. Командующий Округом приговор не утвердил. Но капитан всё-таки подал прошение об отставке.

Вскоре семья переехала в Петербург, где сын Вячеслава, Борис, стал воспитанником 1-го кадетского корпуса.

Отец, тяготившийся штатской жизнью, с началом Русско-японской войны восстановился на воинской службе и позднее командовал ротой на полях сражений в Маньчжурии.

Наградой ему стали два ордена и чин подполковника. Неугомонный офицер успел повоевать и в Германскую, свою третью, войну, заслужив ещё два ордена. Только после Февральской революции 1917 года подполковник Вячеслав Корвин-Круковский окончательно ушёл в отставку.

Его сын, Борис Корвин-Круковский, в 1912 году, по окончании Кадетского корпуса, поступил в Николаевское инженерное училище, располагавшееся в Инженерном замке, бывшем дворце Павла I.

Борис отлично учился, был в числе лучших спортсменов Училища. Особенно увлекало Бориса освоение любой военной техники. В Училище преподавался курс авиации и воздухоплавания, который вёл крупнейший специалист в этой области полковник В.Ф. Найдёнов. Увлекательные лекции преподавателя так захватили Бориса, что он решил непременно стать военным лётчиком.

В 1914 году в России, в соответствии с Большой программой усиления Русской армии, началось формирование авиаотрядов. К обучению полётам допускались и юнкера, чем не замедлил воспользоваться Корвин-Круковский. Вместе с товарищем по Училищу, Георгием Павловым, Борис был направлен в Офицерскую воздухоплавательную школу.

Зимой будущие лётчики овладевали теорией, а в остальное время учились полётам на Гатчинском аэродроме. Школой руководил генерал-лейтенант А.М. Кованько, Авиационным отделением командовал полковник С.А. Ульянин, заместителем которого был штабс-капитан Г.Г. Горшков. Офицерами отделения были: штабс-капитан Д.А. Борейко; поручики А.А. Кованько и В.В. Стоякин. Это только те, чьи имена связаны с Гатчинским аэродромом. А Горшков и Борейко, как и Борис Корвин-Круковский, жили на Люцевской улице Гатчины.

Летом 1914 года Борис начал обучаться в Гатчине полётам на аппарате «Фарман-4». К этому времени он уже закончил обучение на втором курсе Инженерного училища. До выпуска оставался ещё год. Однако начавшаяся Великая война внесла свои коррективы: учебный курс сократили до двух лет.

24 августа 1914 года выпускник Училища подпоручик Корвин-Круковский был прикомандирован для продолжения лётной учёбы к Гатчинской авиашколе. В начале 1915 года Борис освоил пилотирование нескольких типов летательных аппаратов. Вскоре его зачислили в постоянный состав Авиашколы и назначили инструктором.

Под руководством полковника Ульянина и капитана Борейко Корвин-Круковский стал хорошим учителем молодых лётчиков, да и сам сделался великолепным пилотом, способным летать на любых самолётах.

Бориса привлекли к испытанию новых типов самолётов на авиазаводе Лебедева. В начале октября 1915 отряд испытателей прибыл в деревню Островки. Здесь нашёл Борис своё счастье. Военные лётчики в те времена пользовались необыкновенным почётом в тылу, их встречали с восторгом. Как-то раз зарядила дожди и лётчики, пользуясь нелётной погодой, отправились отдохнуть. В одном из окрестных госпиталей Борис познакомился с красивой сестрой милосердия Евгенией



Военный лётчик поручик Б.В. Корвин-Круковский в кабине самолета «Моран-Парасоль»

Адольфовой Новицкой, дочерью военного врача. Молодые люди полюбили друг друга, но со вступлением в брак им пришлось подождать: строгое начальство давало разрешение только в случае достижения женихом 21 года.

Борис рвался на фронт, но начальство придерживало талантливого инструктора в тылу. В начале августа 1915 года Корвин-Круковский возвратился в Гатчину. Его просьбы о направлении в действующую армию наконец-то были уважены и 31 августа Корвин-Круковский отбыл на фронт.

Воевать ему довелось под Минском в составе 6-го корпусного авиаотряда. Лётчики отряда летали в разведку на двухместных машинах, не имевших вооружения; лётчики-наблюдатели (летнабы) брали с собой в полёт обыкновенные кавалерийские карабины и пистолеты «Маузер».

20 сентября 1915 года Борис вылетел в свой первый полёт на новеньком «Моране». Чуть позже Корвин-Круковский вместе с летнабом Конради совершил свой первый боевой вылет, закончившийся удачно: удалось прогнать немецкого разведчика, несколько дней надоедавшего всем своими полётами над Минском.

6 мая 1916 года Борис и подпоручик Киренский совершали очередной разведывательный полёт. Вдруг к ним приблизился немецкий истребитель «Альбатрос» и попытался атаковать. Летнаб Киренский отстегнулся от сиденья и открыл огонь из карабина. Враг спешно отлетел в сторону и Борису удалось вскоре оторваться от него. Закончив разведку, самолёт уже приближался к аэродрому, как вдруг на машину спикировал «Альбатрос» и начал стрелять из пулемёта почти в упор. Борис был ранен в руку и обе ноги и потерял сознание. Неуправляемый «Моран» несколько раз перевернулся в воздухе. Летнаба Киренского выбросило из кабины. Самолёт стремительно падал. Уже над самой землёй Борис пришёл в себя и не только выправил самолёт, но и сумел довести его до русских позиций. Он даже успел указать подбежавшим солдатам место падения летнаба и снова потерял сознание.

Ранение ног оказалось неопасным, а вот с рукой пришлось поволноваться: решался вопрос о возможной ампутации. К счастью, этого не произошло, но о лётной карьере пришлось забыть. Всё это Корвин-Круковский узнал уже в Гатчине, куда был направлен для лечения. Поместили Бориса в лазарет Её Величества Императрицы Марии Фёдоровны. Лазарет размещался в зданиях лазарета Кирасирского полка, убывшего на фронт (ныне в этих зданиях находится Авиационный госпиталь).

Несколько месяцев провёл Борис на лазаретной койке. Здесь ему стало известно, что он представлен к награждению Георгиевским оружием. И вот наступил день выписки. Казалось бы, хромящий на обе ноги, да с повреждённой рукой, офицер не имел никаких шансов вернуться в авиацию. Но командование так не думало. Для подготовки новых лётчиков нужны были люди, имеющие опыт полётов в боевых условиях. Так что Корвин-Круковский по выходе из лазарета, 24 сентября 1916 года, приступил к исполнению новых обязанностей члена испытательной комиссии Главного аэродрома. 1 ноября 1916 года Борис венчался с Евгенией Адольфовной Новицкой. Корвин-Круковские поселились на Люцевской (Чкалова) улице, 50.

Ввод в строй Главного аэродрома задерживался и Борис временно стал приёмщиком военных самолётов на авиазаводах. Знакомство с новой техникой так увлекло молодого офицера, что стало ещё одним шагом к его будущим занятиям по конструированию летательных аппаратов. Пользуясь случаем, Борис неоднократно поднимался в воздух на новых машинах, ведомых опытными лётчиками-испытателями. Иногда Борису удавалось брать управление самолётом на себя. Рука ещё болела, но живительный гатчинский воздух, искусство врачей и заботливый уход жены делали чудеса. В ноябре 1916 подпоручику было разрешено, наряду с работой приёмщика, исполнять

обязанности лётчика-инструктора Гатчинской авиашколы. Теперь подпоручик летал в качестве лётчика-наблюдателя почти каждый день. Как и прежде, ещё в бытность его боевым пилотом, в группах, руководимых Корвин-Круковским, не случилось ни одной серьёзной аварии или поломки! Наряду с обучением лётчиков полётам, Борис вёл преподавательскую работу, а также заведовал гаражом и фотолабораторией Школы.



**Дом на Люцевской, 50, где жили Корвин-Круковские
Фото автора. 2008 год**

В январе 1917 Борис полностью восстановил лётные навыки и начальство разрешило ему перейти из летнабов в пилоты. Скоро он стал одним из лучших лётчиков-испытателей. Рука по-прежнему болела и Борис совершал каждый полёт лишь благодаря своей выдержке. Чего это ему стоило, знала лишь жена. Понятно стало, что долго продолжать лётную карьеру не удастся.

Борис задумывался о будущем и склонялся к мысли стать авиаконструктором. Поэтому он с радостью воспринял приказ о переводе в Подвижную комиссию Технического комитета УВВФ. В Петрограде, Москве и Одессе Борис знакомился с большими авиазаводами, выпускающими серии самолётов, не уступающих лучшим европейским, а иногда и превосходивших их. Борис решил поступить в Николаевскую инженерную академию, где летом 1917 года планировалось открытие Воздухоплавательного отделения. Готовиться к поступлению Борису помогал полковник Д.А. Борейко, который в апреле 1917 сменил Г.Г. Горшкова в должности начальника Гатчинской авиашколы. Борейко планировал назначить Корвин-Круковского своим заместителем по научной и технической части.

Однако планам этим не суждено было осуществиться. Революционные события помешали открытию Воздухоплавательного отделения в Инженерной академии. На авиазаводах забастовки и действия заводских комитетов привели к почти полному прекращению производства самолётов. Испытания новых самолётов проводились редко. В этих условиях Управление военно-воздушного

флота приняло решение закупить военную технику за границей. В октябре 1917 года Корвин-Круковский готовился выехать в Италию для участия в закупке большой партии военной техники. Борис уже сдал свою 10-ю группу другому лётчику-инструктору, но всего за несколько дней до выезда в Италию случился большевистский переворот и поездку пришлось отложить. Явившийся вскоре из Смольного комиссар К.А. Акашев приступил к разгону Управления военно-воздушного флота. В декабре 1917 пришёл черёд Корвин-Круковского. Борис опять вернулся в свою группу в Гатчинской авиашколе.

Борис не принимал участия в какой-либо политической деятельности и лишь по рекомендации начальника Авиашколы полковника Борейко был избран представителем от офицеров в Комитет школы. Но деятельность Бориса на этом посту продолжалась несколько дней. Воспользовавшись предоставленным новой властью правом лётчиков уходить в отпуск, он написал рапорт, согласно которому 21 декабря был издан приказ по Школе: «Постоянного состава школы Военного Лётчика Корвин-Круковского, отправившегося в семинедельный отпуск в город Владивосток, полагать в таковом с 17 декабря». Во Владивостоке находились его мать и отец, уволенный Временным правительством в отставку. Кроме того, оттуда легче всего было уехать за границу. Вместе с женой Борис в начале лета 1918 года оказался на Западном побережье США.

А вот родители уехать в эмиграцию отказались. И, как оказалось, зря. В армии полковника Корвин-Круковского не восстановили, пенсии лишили, имущество разграбили. Так и мучились старики в Сибири, пока к власти не пришёл адмирал Колчак. Вячеслава Иосифовича призвали в Сибирскую армию и назначили на хозяйственную должность. Когда Колчак потерпел поражение, полковник остался в Омске вместе с братом, тоже офицером. Пришли красные и расстреляли их обоих. Немного раньше на Урале был расстрелян сын Корвин-Круковского – Кирилл. В конце Гражданской войны погиб и другой сын, Андрей – кадет Морского кадетского корпуса во Владивостоке. Просто чудом уцелела жена полковника Серафима Алексеевна. Претерпев многие лишения, ей удалось в 1924 году перебраться к родственникам мужа в Польшу, откуда её и вывез в Америку последний из сыновей – Борис. Удалось эмигрировать за океан и его сестре Наталье.

Вначале Корвин-Круковским пришлось в США нелегко. Тяжело заболела жена Бориса и ей пришлось сделать дорогостоящую операцию. Через некоторое время Борису удалось устроиться в Вашингтоне помощником военного атташе по авиационным вопросам. Материальное положение семьи заметно улучшилось. Борису удалось завершить образование, воспользовавшись созданным С.В. Рахманиновым и Б.А. Бахметьевым Фондом помощи русским студентам. Учился Борис в единственном в США учебном заведении, готовящем авиационных инженеров, Массачусетском технологическом институте.

В последующем Борис Корвин-Круковский достиг больших высот в деле авиастроения. Его достижением, например, стало серийное изготовление дюралюминиевых поплавков для гидросамолётов.

Корвин-Круковский – автор нескольких моделей американских гидросамолётов. На склоне лет он работал в области гидродинамики, прочности и теории морских судов.



Выйдя на пенсию, Борис поселился в собственном имении в штате Вермонт. Занятия любимым делом и здоровый образ жизни позволили Корвин-Круковскому дожить до глубокой старости. Он скончался в возрасте 93 лет. Пепел его, по завещанию, был развеян с самолёта над имением.

В старой Гатчине жил ещё один человек с этой довольно редкой фамилией – Сергей Николаевич Корвин-Круковский. В нашем городе он появился в 1892 году, став корнетом Кирасирского полка. В начале 1900-х годов Сергей Николаевич перешёл на гражданскую службу и служил управляющим 1-м Гатчинским удельным имением. В 1910 году он имел чин коллежского советника и проживал вместе с женой, Екатериной Александровной, в доме № 8 на Багговутовской (К. Маркса) улице.

С началом Великой войны Сергей Николаевич Корвин-Круковский вернулся в свой Кирасирский полк, принял участие в походах и боях, в 1917 году в чине штабс-ротмистра служил младшим офицером 6-го эскадрона. В декабре 1917 года, на момент расформирования полка, Сергей Николаевич находился в отпуске по болезни.

Родство Сергея Николаевича и Бориса Вячеславовича Корвин-Круковских мне установить не удалось.



Б.В. Корвин-Круковский, профессор

ВЛАДИСЛАВ КИСЛОВ